

Антоний Радивиловский. Поэтому естественно предполагать, что древнерусские переводы басен не могли миновать и внимания Сумарокова.

Из приблизительно 150 сюжетов Эзопа, что встречаются в притчах Сумарокова, не менее 130 известны на Руси и в допетровское время. И если не весь круг этих фабул, то во всяком случае те из них, которые вошли в печатное «Зрелище»,⁶ были знакомы Сумарокову и в русском переводе.

К сожалению, несравненно меньше возможностей судить, в каких случаях этими предшествующими переводами Сумароков действительно пользовался. Чрезвычайная схематичность и обобщенность прозаического басенного рассказа и обыкновенно пословный параллелизм старших прозаических переводов оригиналам редко доставляют материал для повествовательной дифференциации их текстов, — и заключения об использовании в каждом случае иноязычного ли оригинала или русского перевода не часто оказываются возможны.

Например, из 134 басенных фабул «Зрелища» в сумароковской обработке известны 65 — около половины. Но только в нескольких случаях можно уверенно назвать фабулы, извлеченные Сумароковым именно из этого сборника. Так, только в составе «Зрелища» удалось обнаружить сюжеты сумароковских притч «Змея и слон» (кн. IV, № 2) и «Возница пьяный» (кн. IV, № 20). Точно так же только здесь отмечен возможный прообраз той развязки, которой Сумароков завершает басню о вороне, пытавшемся вслед за орлом унести ягненка, но запутавшемся в его шерсти и попавшем в руки пастуха (кн. VI, № 55). В традиционном варианте ворону окорнали крылья и отдали на забаву детям. У Сумарокова расправа много энергичнее:

Пришел пастух
И взял обух
И начал он тазать героя прицепленна;
И снял с овцы героя утомленна,
И дал герою он удар,
И выбил вон геройский жар.

Вариант, который мог натолкнуть Сумарокова на подобное завершение рассказа, обнаружен в «Зрелище»: «Пастырь же сие узрев, прибежа и врана ят и смерти предаде» (ср. в немецком тексте: «Aber vom Hirdt gefangen und erschlagen wirdt»).⁷

Разумеется, ни одна из этих идентификаций еще не исключает использования Сумароковым немецкого текста сборника, а потому не выясняет, от немецкого ли оригинала или его виниусовского перевода отправлялся Сумароков. Тут необходимы какие-то иные разграничивающие аргументы, — и они существуют.

Так, с известной доказательностью можно бы привести некоторые общие соображения: перевод Виниуса за самое короткое время распространился в огромном количестве списков, а затем, в 1712 г., был издан Московской типографией значительным по тому времени тиражом в 500 экземпляров, — и потому не мог быть неизвестен Сумарокову. Напротив, немецкий оригинал «Зрелища», вышедший в 1608 г. в Праге «Theatrum Morum», — издание чрезвычайно редкое, и никаких его следов ни в одном описании русских книжных собраний, — в том числе и в описи книг

⁶ В 1712 г. «Зрелище жития человеческого» было издано Московской типографией (500 экз.).

⁷ Theatrum Morum, Artliche gesprach der thier mit wahren historien den menschen zur lehr. Prag, 1608, стр. 186.